

Взроslение

РАБЕН-ШТЕЙНФЕЛЬД — МЕКЛЕНБУРГ
ЗАЛИВ ПЕРАКИ — НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ
(ЮЖНЫЙ ОСТРОВ)

1837 год

Глава 1

— Доброе утро, господин учитель!

Тридцать пять учеников в возрасте от шести до четырнадцати лет дружно поднялись с деревянных скамеек, хором приветствуя вошедшего в класс учителя Бракеля.

Бракель окинул взглядом их лица. На протяжении последних недель занятий не было, но тем не менее многие дети все равно не выглядели отдохнувшими, а, напротив, казались очень усталыми и изможденными. Неудивительно: наверняка дети поденщиков и крестьян на осенних каникулах занимались сбором урожая. Бракель знал, что они от рассвета до заката ползали по распаханым полям, выкапывая топинамбур. Детям малоземельных крестьян приходилось чуть легче, так же как и детям ремесленников. Семьи последних тоже владели участками, но меньших размеров, и урожай с них собирали намного быстрее, нежели с крестьянских угодий.

— Доброе утро, дети! — поздоровался в свою очередь Бракель и жестом велел ученикам занять свои места.

Он удивился, когда Карл Йенш — высокий, но тщедушный тринадцатилетний паренек — не выполнил его указание.

— В чем дело, Карл? — строго спросил учитель. — Хочешь учиться стоя?

Мальчик с несчастным видом покачал головой.

— Нет, — ответил он. — Я пришел, только чтобы сказать... с завтрашнего дня меня не будет, господин учитель. Некогда мне, работать надо в поле, да и у помещика тоже. А мой отец болен, нам нужны деньги. Поэтому я не могу... поэтому я больше не могу ходить в школу... — Голос Карла звучал так, словно готов был вот-вот оборваться.

Скорее всего, отец запретил ему посещать занятия в более грубых выражениях, и в последний день учебы у мальчика было тяжело на сердце.

Учитель тоже испытывал сожаление. И пусть он предвидел это — дети поденщиков обычно посещали школу всего несколько лет, — но Карла ему было особенно жаль. Мальчик отличался умом и легко усваивал знания, и Бракель даже подумывал о том, чтобы поговорить о нем с пастором. Возможно, Карлу следовало бы продолжить обучение в духовной семинарии. Впрочем, он был еще слишком юн, да и отец его вряд ли согласится на это. Карл прав, его семье нужны деньги, которые он сможет заработать. А помещик...

Рабен-Штейнфельд входил в состав великого герцогства. Бракель мог бы попросить герцога и помещика оказать поддержку смышленому сыну поденщика. Если бы только Йенш не был таким упрямым! Если бы только он — как и многие другие жители Рабен-Штейнфельда — не затевал ссор с великим герцогом!

Поместный дворянин был приверженцем реформатской церкви¹, так же как и король, и почти вся знать. Однако в Рабен-Штейнфельде подавляющее большинство населения придерживалось учения старолютеран², и община не упускала ни малейшей возможности напомнить об этом своему помещику. К счастью,

¹ Реформатство — религиозное течение, возникшее после Реформации XVI в. и оформленное проповедником Жаном Кальвином (1509—1564). (Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.)

² Старолютеране — ортодоксальные лютеране, которые отказались принять навязанную прусскими властями унию с кальвинистами в рамках государственной Церкви.

он не наказывал и не преследовал за это своих подданных, как поступал до недавних пор король Пруссии. Однако разногласия с народом и священниками вызывали у него раздражение, и вряд ли он станет оплачивать обучение сына одного из этих упрямцев, чтобы в его владениях появился очередной строптивый пастор.

Бракель вздохнул.

— Очень жаль, Карл, — приветливо произнес он. — Впрочем, ты очень любезен, раз предупредил о своем уходе. — Обычно дети поденщиков просто переставали появляться на занятиях, как только им исполнялось тринадцать. — Что ж, ступай с богом, дитя мое.

Пока Карл собирал с парты карандаши, грифель и грифельную доску, учитель Бракель обернулся к своей единственной теперь любимой ученице. Ида Ланге представляла собой необъяснимую загадку природы. Бракель все время задавался вопросом, почему Господь покарал сына Ланге слабым рассудком, в то время как Ида, его старшая сестра, впитывала знания, словно губка. При этом природа не обделила ее и красотой. У двенадцатилетней девочки были блестящие темно-каштановые волосы и голубые глаза фарфоровой куклы. Ее миловидное лицо в форме сердечка выражало кротость и смирение: наверняка это было следствием строгого отеческого воспитания. Якоб Ланге, кузнец, владел совсем небольшим участком земли и мог бы позволить Иде учиться и дальше, но раз она девочка, то об этом и речи не шло. Учитель не сомневался в том, что примерно через год Ида тоже уйдет из класса.

Однако сейчас она все еще прилежно училась, в то же время украшая скучные будни Бракеля. Бракель был учителем по призванию. Такие школьники, как Карл и Ида, радовали его, хотя занятия с бестолковыми крестьянскими детьми, не интересовавшимися чтением и письмом, скорее его утомляли. Иногда ему казалось, что его главный успех заключается в том, что он не позволяет им уснуть во время занятий.

— Ты принесла нам новую книгу, Ида... э-э-э... Антон?

На парте старшего сына Ланге лежала тоненькая книжка — «Путешествие капитана Кука». Не похоже было на то, что мальчик увлечен ею. Однако учитель помнил, как Ида еще вчера,

когда они встретились в церкви, с восторгом рассказывала о том, что ее отец привез из Шверина новую книгу. Иногда такое случалось. Якоб Ланге испытывал интерес к экзотическим странам и пытался привить его также и своим детям. Его любопытство не было типичным для ремесленника, к тому же правоверного старолютеранина, но Бракель полагал, что Ланге подумывает об эмиграции. Кузнец и признанный знаток лошадей, он наверняка был недоволен тем, что не может обзавестись землей здесь, в деревне, а только брать ее в наследственную аренду. Из-за этого Ланге постоянно ссорился с помещиком, рискуя тем, что тот, чего доброго, вышвырнет его из своих владений, как бы высоко ни ценил его труд. За последние годы многие старолютеране уехали в Америку. Возможно, Ланге задумал нечто подобное.

Антон, его сын, кивнул со скучающим видом и пододвинул книгу Иде. Однако девочка не схватила ее с радостью, чтобы представить всему классу, как предполагал учитель, а поглядела на Карла, который никак не мог отойти от своей парты. Книга вызвала его интерес, а он сам, судя по всему, — сочувствие Иды.

— Ида! — одернул ее Бракель.

Девочка взяла себя в руки и подняла голову.

— Это очень странная книга, — произнесла она тонким и нежным голосом, способным завладеть вниманием отъявленных лентяев, стоило Иде начать читать. — В ней говорится о капитане, который путешествует по морям и открывает новые земли! И, представляете, господин учитель, она была написана на другом языке! Для того чтобы мы могли прочесть эту книгу, ее пришлось сначала пере... перевести!

Ида ткнула пальцем в имя автора, которого звали Джон Хоксворт.

— С греческого? — слышался голос Карла.

Мальчик не смог удержаться. Ему давно пора было уйти, однако новая книга напомнила ему о другой истории мореплавателя, которую когда-то рассказывал своим ученикам Бракель. В ней речь шла о человеке по имени Одиссей, которому довелось пережить такие приключения в Древней Греции, что прямо-таки дух захватывало.

Бракель покачал головой:

— Нет, Карл. Джон Хоксворт написал историю капитана Кука на английском языке. Кроме того, это не поэма, как «Одиссея», а история, основанная на фактах. Но теперь тебе нужно решить-ся, Карл. Если хочешь остаться — садись. В противном случае...

Карл направился к двери. С сожалением и завистью он бросил последний взгляд на класс, а когда он посмотрел на Иду, учитель-лю показалось, что в его глазах промелькнуло нечто похожее на нежность.

Девочка Карлу нравилась. Иногда, когда он работал в полях и ничто не мешало ему размышлять, он позволял себе помеч-тать. В такие моменты он видел себя взрослым молодым чело-веком и в своем воображении сватался к Иде Ланге, заводил с ней семью и каждый божий вечер возвращался к ней, а она ждала его. Каждый день он слышал ее нежный голос, каждое утро в школе он первым делом смотрел на ее гладкие и мягкие волосы, ее красивое и доброе лицо. Иногда у него появлялись и греховные мысли, но их Карл себе строго-настрого запрещал. В принципе, он должен был запретить себе и безобидные грезы о совместном будущем с этой девочкой, поскольку им не сужде-но исполниться. Даже если бы Ида однажды ответила на его чувство — а повода думать, что когда-нибудь такое случится, она ему не давала, — ее отец ни за что не одобрит союз с сыном поденщика. Это было вполне понятно, и Карл не сердился на Якоба Ланге за это. Он и сам не хотел бы, чтобы Ида жила так, как живет его мать.

Семья Йенш едва держалась на плаву. Отец Карла, его мать и вот теперь и он сам день-деньской трудились на полях помещика или брались за другую работу. Платили им пфенниг в час, но только мужчинам, а зачастую они не получали даже этих денег, поскольку с ними рассчитывались натурой. Вот и сегодня Карл вряд ли увидит звонкую монету, после того как выкопает по-следний картофель, проведя на этом поле десять часов. Скорее всего, нанявший Карла хозяин отправит его домой с мешком топинамбура...

Принимаясь за работу на чужой земле, Карл предавался не-веселым мыслям. Наверное, Петеру Брандманну, плотнику,